

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-279-302>
<https://elibrary.ru/AARPVY>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

В поисках утраченных контекстов: «Непростой читатель» Алана Беннетта глазами русского читателя

© 2023, Д.В. Забогин

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00375 «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода» (<https://rscf.ru/project/23-18-00375/>).

Аннотация: Данная статья посвящена критическому осмыслению оригинального и переводного текстов «Непростого читателя» А. Беннетта, главная героиня которого — неназываемая, но легко узнаваемая королева Великобритании Елизавета II. Соответственно, весь инокультурный контекст этого псевдобиографического повествования создает для переводчика определенные сложности, поскольку ему, прежде всего, необходимо понять и с максимальной точностью воспроизвести то, что носителями английского языка считается без малейших затруднений. Так, в качестве основной стратегии перевода «Непростого читателя» на русский язык рассматривается стратегия доместикации, т. е. установка на адаптацию повести посредством упрощения либо замещения (переименования) исторических и бытовых реалий при их трансплантации из одной картины мира в другую: например, «эльзасец — немецкая овчарка» или «дама-командор — кавалерственная дама». Стоит подчеркнуть, что проблема номинации играет в произведении А. Беннетта особую роль: все больше погружаясь в глубины художественной литературы, его персонажи как будто бы заново начинают познавать себя с помощью найденных «вторых имен», которые являются иноязычными словами греческого («опсимат») и латинского («аману-энсис») происхождения. Исследование авторской философии чтения приводит нас к выводу о своеобразии оригинального заглавия повести, отражающего идею амбивалентной природы образа Ее Величества. Пройдя долгий путь от начинающего читателя к читателю пишущему, она все-таки решается войти в круг независимой «respublica literaria», что расцветает на страницах «Непростого читателя» десятками имен прозаиков, поэтов и драматургов настоящего и прошлого. Подобный литературный союз потребовал от переводчика повести

отдельного и продуманного комментария, который может быть интерпретирован как некая вторичная попытка «обратного перевода» (А.В. Михайлов).

Ключевые слова: А. Беннетт, «Непростой читатель», Елизавета II, доместикация и форенизация, проблема номинации, иноязычные вкрапления, философия чтения.

Информация об авторе: Даниил Вячеславович Заботин — аспирант, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7319-8664>

E-mail: do.oscar@yandex.ru

Для цитирования: *Заботин Д.В.* В поисках утраченных контекстов: «Непростой читатель» Алана Беннетта глазами русского читателя // Литературный факт. 2023. № 4 (30). С. 279–302. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-279-302>

*Апология чтения*¹ — именно так можно охарактеризовать наиболее известную повесть² современного английского прозаика и драматурга А. Беннетта, выдержавшую с момента своей публикации несколько изданий.

Впервые «Непростой читатель» («The Uncommon Reader») был напечатан в «Лондонском книжном обозрении» 8 марта 2007 г. [6], а затем — с учетом авторской и корректорской правок — окончательный вариант повести вышел под мягкой обложкой с фирменным знаком «Faber & Faber» в 2008-м³ [7]. Схожая ситуация сложилась и с переводом произведения А. Беннетта на русский язык: вслед за декабрьским номером журнала «Иностранная литература» за 2009 г. [1] он появился в формате отдельной книги в твердом переплете, которую выпустило «Издательство Ольги Морозовой» семь месяцев спустя [2].

Стоит сразу оговориться: при последнем переиздании «Непростого читателя» редакторы перевода упустили один из важнейших

---

¹ Здесь, согласно определению «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «апология» есть не столько безудержное «восхваление» или вынужденное «оправдание» чтения, сколько его обоснованная и необходимая «защита». См.: URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 08.09.2023).

² В каждой из двух русскоязычных публикаций «Непростой читатель» был представлен в жанре «романа» [1; 2], в то время как сам А. Беннетт мыслил эту историю в жанровых рамках «story» — «рассказа» или, точнее, «повести» [6].

³ Известно, что первое книжное издание «Непростого читателя» появилось в один и тот же год с журнальной публикацией, но их сопоставление в настоящий момент затруднительно, фактически — невозможно, ввиду ограниченного доступа к зарубежным электронным ресурсам. Вот почему в статье анализируется второе оригинальное издание 2008 г., единственный экземпляр которого хранится в фондах Библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино г. Москвы.

абзацев повести, начинающийся словами: «Reading more and more, the Queen now drew her books from various libraries...»⁴ [6, p. 13; 7, p. 25]. Однако стараниями самой переводчицы — В. Кулагиной-Ярцевой, когда-то давшей возможность широкой публике познакомиться с художественно-критическими работами Х.Л. Борхеса, Лорда Дансени, Ч. Милоша и др., мы обрели взамен утерянного фрагмента компактный именной указатель [2, с. 133–166], который является не просто справочным аппаратом издания, но некоей вторичной (после, собственно, переведенной ранее книги А. Беннетта) попыткой «<рас>ставить вещи (в контексте повести — историко-культурные и бытовые реалии. — Д.З.) на свои первоначальные места» [3, с. 16]. Насколько удачной оказалась эта попытка сгладить или, наоборот, заострить обнаружившиеся при переводе различия, попробуем выяснить в трех кратких заметках на полях «Непростого читателя».

(1) Кавалерственная дама с немецкой овчаркой на вспомогательной территориальной службе, или Несколько слов о специфике переводческой стратегии

В свой первый — и довольно спонтанный — визит в передвижную библиотеку, что останавливалась неподалеку от дворцовой кухни каждую среду, одна «старая дама» [1, с. 33] поинтересовалась, действительно ли существует литературная биография английского фотографа-портретиста, который «всегда оказывался где-то поблизости и щелкал аппаратом. <...> Щелк, щелк» [1, с. 29]. Получив от единственного посетителя книжного фургона утвердительный ответ (он-то и выбирал для себя альбом с работами сэра С. Битона, командора ордена Британской империи), «старушка» [1, с. 71] произнесла важную для наших дальнейших размышлений фразу: «...я полагаю, рано или поздно *напишут о каждом*»⁵ [1, с. 29].

Эта реплика отнюдь не случайна, скорее симптоматична, поскольку главной героиней «Непростого читателя» является Ее Королевское Величество Елизавета II (1926–2022), чье имя ни разу не упоминается на протяжении всего повествования. Однако по вполне узнаваемым событиям, деталям и образам, спорадически рассеянными по страницам псевдобιοграфического произведения, мы с легкостью определяем, о ком именно идет речь.

⁴ «Увлечшись чтением, королева стала брать книги из разных библиотек...» [1, с. 36]. Полный перевод этого абзаца см.: [1, с. 36–39].

⁵ Здесь и далее курсивное выделение той или иной смысловоразличительной части процитированного фрагмента полностью принадлежит автору статьи.

Так, королева вспоминает о смерти принцессы Дианы и праздновании Дня Победы, «когда они с сестрой (принцессой Маргарет. — Д.З.) незамеченными выскользнули из <Букингемского. — Д.З.> дворца и смешались с толпой» [1, с. 38]. По завершении очередной аудиенции с премьер-министром (в разные годы настоящий пост занимали Г. Макмиллан, Э. Хит, М. Тэтчер и др.) она отправляется напрямик в библиотеку Виндзорского замка, летом же королева предпочитает отдыхать в шотландской резиденции Балморал. Среди выдающихся предков Ее Величества — «прапрабабушка» [1, с. 74] королева Виктория, Георг V и Мария Текская, Георг VI и «покойная»⁶ королева-мать» [1, с. 57], а Елизавету I Тюдор, младшую дочь Генриха VIII, «Защитника Веры» [1, с. 74], венценосная героиня А. Беннетта называет «*моя тезка*» [1, с. 74].

Обратимся теперь к наглядному примеру «вплетения» биографического факта в ткань художественного текста.

В открытом разговоре с королевой премьер-министр Гладстон акцентирует ее — и, соответственно, читательское — внимание на следующих событиях:

‘...Reminiscences of your childhood, ma’am, and the war, the bombing of the palace, your time in the WAAF.’

‘The ATS,’ corrected the Queen [7, p. 112–113].

...Воспоминания о детстве, о войне, бомбардировке дворца, о времени, когда вы были в частях Женской вспомогательной службы ВВС. — Вспомогательной территориальной службы, — поправила королева» [1, с. 70].

Перечислив основные эпизоды раннего периода жизни Ее Величества (детства, не предвещавшего монаршего бремени⁷, и юно-

⁶ Эпитет «покойная» есть поздняя вставка (ср.: «...the Queen Mother» [6, p. 18] и «...the late Queen Mother» [7, p. 78]), влияющая на восприятие временной организации «Непростого читателя»: если финальный эпизод с точностью датируется апрелем-июнем 2006 г., когда Великобритания отмечала 80-летний юбилей Елизаветы II, то завязка сюжета приходится не на конец 1990-х, как можно было бы предположить при первом знакомстве с журнальной публикацией, но — на начало 2000-х (ср.: парижская автокатастрофа, в которой погибла принцесса Уэльская, произошла 31 августа 1997 г., между тем Елизавета Боуз-Лайон скончалась 30 марта 2002-го в возрасте 101 года). В пользу этой версии свидетельствует одно из немногочисленных упоминаний королевы-матери в прошедшем времени: «...королева-мать, тоже *любила* читать» [1, с. 62]. В результате повесть А. Беннетта, изданная в 2007 г., оказывается написана по следам живой и понятной всем английским читателям истории.

⁷ Отречение Эдуарда VIII изменило привычный порядок престолонаследия: подписав соответствующий акт 10 декабря 1936 г., он передал младшему брату Альберту (Берти), герцогу Йоркскому, отцу десятилетней Елизаветы, корону, скипетр и державу Британской империи, и вскоре получил титул герцога Виндзорского.

сти, проведенной за пределами Букингемского дворца⁸, который подвергался бомбардировкам во время Второй мировой войны), глава правительства ошибся лишь в наименовании подразделения британской армии, где достигшая совершеннолетия принцесса исполняла обязанности водителя-механика: ему, очевидно, казалось, что наследница престола служила вместо *женского вспомогательного территориального корпуса* (the Auxiliary Territorial Service) в *военно-воздушном* (the Women's Auxiliary Air Force).

При переводе сцены-диалога на русский язык В. Кулагина-Ярцева схожим образом разворачивает эти аббревиатуры⁹, прячущие за своей лаконичной формой представления о несколько отдаленных от нас — в координатах времени и культуры — исторических явлениях. Здесь-то и возникает ключевой вопрос относительно специфики переводческой стратегии в «Непростом читателе»: как перенести из одного смыслового поля в другое целый ряд бытовых реалий, что, во-первых, обрисовывают особую атмосферу общественного устройства туманного Альбиона, во-вторых, создают конкретные сложности для переводчика, ведь ему, прежде всего, необходимо понять и с максимальной точностью воспроизвести чужой (с точки зрения русского читателя) контекст, считываемый носителями английского языка без малейших затруднений?

Еще в 1813 г. немецкий философ Ф. Шлейермахер в лекции «О разных методах перевода» («Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens») определил *два пути*¹⁰, по которым идет кропотливая работа переводчика над произведениями зарубежной литературы:

Переводчик либо оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю. Оба пути совершенно различны, следовать можно только одним из них, всячески избегая

⁸ Queen Elizabeth II: Early life and education. URL: <https://www.royal.uk/the-queens-early-life-and-education> (дата обращения: 19.09.2023).

⁹ Как мы видим, расшифровка одной аббревиатуры («WAAF») с последующей заменой ее части на другую («BBC» = «военно-воздушные силы») не осложняет понимание процитированного выше фрагмента, поскольку в нем сохраняются смысловые отношения между приближенными друг к другу явлениями, одно из которых — общее место в отечественной военной терминологической системе.

¹⁰ Образ пути, иначе — «скрещенья <двух. — Д.З.> тропинок» (см.: URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2012/3/the-road-not-taken-drugaya-doroga.html?ysclid=1pa9gj8x24236774398 (дата обращения: 19.09.2023)) проникает в мотивную структуру повести А. Беннетта вместе со стихотворением Р. Фроста «Неизбранная дорога», над которым размышляют герои «Непростого читателя».

их смешения, в противном случае результат может оказаться плачевным: писатель и читатель могут вообще не встретиться¹¹.

Подобные рассуждения находим и в речи И.В. фон Гёте, посвященной памяти поэта и прозаика К.М. Виланда, умершего в том же 1813-м:

«Существует два принципа перевода: один из них требует переселения иностранного автора к нам, <...> чтобы мы могли увидеть в нем соотечественника, другой, напротив, предъявляет нам требование, чтобы мы отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям»¹².

В дальнейшем данные принципы получили подробное теоретическое обоснование в нескольких монографиях современного американского исследователя Л. Венути¹³, который предложил для широкого научного использования бинарную оппозицию «доместикация — форенизация».

Следовательно, когда читателя «заставляют двигаться навстречу» писателю-«чужеземцу», наблюдается процесс «очуждения» (термин Б. Брехта) его произведения от принимающей культуры, вот почему в нем продолжают сохраняться исходные исторические и бытовые реалии. Они эксплицируются и доносятся в адекватной оригиналу форме с помощью комментариев и сносок, а также разного рода лексических трансформаций: транскрибирования, транслитерации, калькирования. И, наоборот, при «переселении» писателя к читателю его произведение адаптируется к культуре языка перевода посредством найденных и/или созданных «функциональных аналогов», свидетельствующих об «освоении» (буквально — «одомашнивании») избранного переводчиком текста (см.: [5, с. 206]).

В ходе «медленного чтения» «Непростого читателя» нам удалось установить, что трансплантация самостоятельных понятий из одной картины мира (английской) в другую (русскую) идет — по

¹¹ Шлейермахер Ф. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. / пер. с нем. Н.М. Берновской; под ред. А.Л. Борисенко, А.Ю. Зиновьевой // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2000. № 2. С. 132–133.

¹² Цит. по: Федоров А.В. Основы общей теории перевода: Лингвистические проблемы. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. С. 33.

¹³ См.: Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London; New York: Routledge, 1999. 210 p.; Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge, 2004. 353 p.

преимуществу — по линии *доместикации* за счет *адаптирования* и *замещения* «вшитых» в повесть А. Беннетта культурных реалий.

Например, важной обязанностью монарха является личное участие в церемонии инвеституры, где вручается особо ценная государственная награда — орден Британской империи. Однако лишь немногие подданные Ее или Его Величества, удостоившиеся такой чести, получают титул рыцаря и дамы Большого креста (Knight and Dame Grand Cross) или рыцаря и дамы-командора (Knight and Dame Commander)¹⁴.

Первой книгой, которая по чистой случайности попала в руки главной героини «Непростого читателя», оказался некий роман А. Комптон-Бернетт, что в 1967-м за заслуги в области искусства стала обладателем и поныне присуждаемой королем Карлом III (старшим сыном Елизаветы II) награды.

— <...> О, в последний раз ее брали в 1989 году.

— Ее нельзя назвать популярным автором, мэ.м.

— Почему же? Ведь я сделала ее *кавалерственной дамой*

[1, с. 29].

Оставим в стороне вопрос о литературной репутации писательницы, из-под чьего пера вышли «Пасторы и хозяева» («Pastors and Masters», 1925), «Братья и сестры» («Brothers and Sisters», 1929) или «Господь и его дары» («A God and His Gifts», 1963), и обратимся к переводу женской версии пожалованного монархом титула. Здесь В. Кулагина-Ярцева подменяет устойчивое в английской культуре обращение «Дама» («Dame») — знак уважения («a name of respect»¹⁵) — его инокультурной аналоговой формой, выбранной, вероятно, по принципу соответствия. Речь идет об ордене Святой великомученицы Екатерины Малого креста, который царской милостью даровался великосветским особам Российской империи с присвоением каждой из них почетного звания «кавалерственной дамы»¹⁶.

Задуманная переводчиком стратегия *переименования* (иначе — замещения означающего) могла бы считаться вполне оправданной и в меру удачной, если бы не одно но — непоследовательность ее при-

¹⁴ URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Most-Excellent-Order-of-the-British-Empire> (дата обращения: 19.09.2023).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кавалерственная дама // Энциклопедический словарь: в 86 т. СПб.: Типо-лит. И. Ефрона, 1894. Т. XIIIа (26). С. 799.

менения. Сочетание «имя + титул» в отношении А. Комптон-Бернетт используется в тексте А. Беннетта трижды и всякий раз в отрыве от изначальной траектории. Ср.: «Вам понравилось, мэм? (имеется в виду та самая книга, что королева взяла с собой из передвижной библиотеки. — Д.3.) <...> Дейм Айви? Немного суховата» [1, с. 30] или «...роман, который она когда-то нашла вялым, сейчас оказался ей бодряще живым, суховатым и строгим, а серьезный том *Дейм Айви* похожим на ее собственный» [1, с. 66].

Однако позднее при составлении именного указателя В. Кулагина-Ярцева отступает от приема транскрибирования, характерного для форенизации¹⁷, и возвращается к собственной переводческой находке: в результате английские романистки А. Брукнер и А. Сьюзен Байетт — вновь «Кавалерственные дамы Ордена Британской империи» [2, с. 143, 146]. Возможно, при переиздании «Непростого читателя» в 2010 г. стоило бы продумать некую унификацию текста, но, как следует из обнаруженных в нем же несоответствий, подобной редакторской работы проведено не было.

Осилив «Любовь на холоде» («Love in a Cold Climate», 1949) Н. Митфорд, королева принялась за рекомендованную ее новым знакомым Норманом книгу «Моя собака Тьюлип» («My Dog Tulip», 1956) Дж.Р. Экерли. «Это художественная литература, мэм, но у самого автора действительно была собака, *немецкая овчарка*» [1, с. 33]. Посмотрим теперь на оригинал: «It's supposed to be fiction, ma'am, only the author did have a dog in life, *an Alsatian*» [7, p. 17].

Как мы видим, В. Кулагина-Ярцева *упрощает* очередную историческую реалию, избавляя себя от необходимости перегружать текст повести схожей экспликацией:

Эльзасец — английский вариант названия породы собак, утвержденный в 1917 г. британским Кеннел-клубом в качестве замены для общепринятого обозначения «немецкой овчарки» во избежание каких-либо негативных ассоциаций с Германской империей периода Первой мировой войны¹⁸. Этимология данного слова

¹⁷ В «копилку» переводчицы по той же самой логике отправляются «ma'am», «message» и «policeman» вместе с разговорной формой слова «mobile» (ср.: «Какие новости из дома? (Новой Зеландии, родины секретаря Ее Величества. — Д.3.) Стригут овец? — Не в это время года, мэм» [1, с. 41]; «...как сказал бы сэр Кевин, определенный *месседж*...» [1, с. 65]; «...королева подождала минуты две, потом погасила свет, и *полисмен* <...> заметив это, выключил *мобильник*» [1, с. 66]).

¹⁸ По той же причине король Георг V, основавший Орден Британской империи, решает сменить фамилию царствующей династии: отныне Саксен-Кобург-Готская

ошибочно восходит к восточному региону современной Франции, поскольку до подписания Версальского мирного договора 28 июня 1919 г. Эльзас-Лотарингия еще находилась под властью кайзера. На самом же деле, Эльзасией в 1680-е гг. именовали лондонский район Уайтфрайерс, пользовавшийся популярностью у преступников, ведь именно там они могли оставаться неприкосновенными. Однако это название, как утверждают этимологи, все-таки соотносится с той «спорной территорией» на границе Германии, Швейцарии и Франции, что в стародавние времена в равной степени была вне каких-либо законов и правил¹⁹.

Вообще, в «Непростом читателе», перевод которого тяготеет к адаптиванию содержания и заметному сдвигу культурных понятий, собаки играют особую роль: они, подобно людям, сопровождают королеву на протяжении всей ее жизни (ср.: «За пятьдесят с лишним лет я *перенесла* <...> десять премьер-министров, шесть архиепископов Кентерберийских, восемь спикеров и — хотя вы не должны считать это сравнительной статистикой — *сорок три корги*»²⁰ [1, с. 70]), а однажды и вовсе становятся причиной переполоха, что приводит Ее Величество к началу большой «истории» («story»), мастерски рассказанной А. Беннеттом на страницах небольшой по объему книги.

Итак, «во всем были виноваты собаки...» [1, с. 28].

(2) «Что в имени тебе моем?», или Дружба амануэнсиса с опсиматом

Если корги и привели королеву к книжному фургону, «похожему на мебельный» [1, с. 28], то «очень умный» [1, с. 33] «тощий рыжеволосый парень в белом халате» [1, с. 28] с «большими красными руками» [1, с. 29] открыл для Ее Величества двери в безграничный мир литературы. Вновь повторим: имя королевы, в представлении А. Беннетта, не требует проговаривания, ведь его, по сути, знает каждый; в отличие от имени посудомойщика Нормана Сикинса —

ветвь именуется домом Виндзоров по названию главной официальной резиденции английских монархов — Виндзорского замка.

¹⁹ Наше примечание составлено по образцу статьи «Alsatian» из Этимологического онлайн-словаря. URL: https://www.etymonline.com/word/Alsatian#etymonline_v_52268 (дата обращения: 19.09.2023).

²⁰ Во-первых, фраза «...я *перенесла*» в оригинале имеет буквальный смысл: «...я пережила» [7, р. 111]; во-вторых, королева упоминает о пятидесяти трех, но не о сорока трех собаках породы корги (см.: [7, р. 111]).

одного из основных второстепенных персонажей «Непростого читателя».

По ходу знакомства с повестью мы также выясняем, как зовут водителя-библиотекаря (мистер Хатчингс), некоторых придворных²¹ Ее Величества (Грант и Пирс, Тристрам и Джайлс, Элспет и Джералд), премьер-министра (Гладстон) и двух секретарей — прежнего (сэр Клод Поллингтон) и нынешнего (сэр Кевин Скатчард). Постепенно становится понятен авторский замысел: те, кто имеют не только имя, но и фамилию, выделяются на общем фоне, значительно продвигая вперед сюжетную линию (как Сикинс и Поллингтон), и даже принимают на себя роль антагонистов (как Сикинс и Скатчард).

Так, с образом сэра Кевина в повести А. Беннетта намечается серьезный вопрос о *самоидентификации* человека, скрывающейся в *сфере языка*. Больше всего инокультурного героя беспокоили две вещи, а именно:

...теперь в сэре Кевине гораздо меньше чувствовался *новозеландец*, чем сразу после назначения на должность, <...> Ее Величество знала, что он *чрезвычайно чувствителен* на сей счет и не любит, чтобы ему об этом *напоминали*²². (Ей сказал Норман.)

Еще одной *деликатной* темой было его имя. Личный секретарь *тяготился* им: Кевин — *не то имя, которое бы он для себя выбрал*, и то, что он не любил свое имя, заставляло его особо прислушиваться к тому, сколько раз королева обращается к нему по имени, хотя он и сознавал, что она вряд ли представляет себе, какое *унижение* он при этом испытывает.

<...> она все прекрасно знала (снова от Нормана), но для нее имя *любого* человека было *несущественно*, как, впрочем, и все остальное — одежда, голос, классовая принадлежность. Королева была

---

²¹ Очередной парадокс перевода В. Кулагиной-Ярцевой — «*конюшие*», что окружают королеву и во дворце, и за его пределами (см.: [1, с. 32, 34, 36, 42, 46–47, 57–59, 62–65]). Действительно, первоначальное значение слова «*equerry*» — «слуга, ухаживающий за конями»; однако эта историческая реалья в течение нескольких столетий претерпела качественные изменения: сейчас так называют «офицера, который работает на какого-либо члена королевской семьи и помогает ему в выполнении служебных обязанностей». URL: https://www.etymonline.com/word/equerry#etymonline_v_8810; <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/equerry> (дата обращения: 19.09.2023).

²² Вероятно, Скатчард старается приспособиться к отличному от его родной среды контексту в надежде разорвать связь с ее национально-колониальным прошлым, избавившись от сильно заметного акцента (ср.: «...his *accent* now with only a tincture of that *Kiwi* (Киви — прозвище, что стало самоназванием жителей Новой Зеландии. — Д.З.) connection» [7, p. 28]).

подлинным демократом, возможно, единственным на всю страну [1, с. 37].

Проблема номинации затрагивается и на рабочей встрече сэра Кевина с Ее Величеством, где на повестку дня выносятся своеобразный лингвистический спор о «человеческих ресурсах» [1, с. 32]. С точки зрения королевы, это определение не вызывает доверия, поскольку в нем полностью отсутствует какой-либо «месседж», выражающий некое (положительное/отрицательное) отношение к кому-либо; другое дело — «*прислуга*» и «*персонал*»²³, что, напротив, подают современной публике, по мнению секретаря, «повод для обиды» [1, с. 32]. Однако и здесь А. Беннетт в ироническом ключе обыгрывает излишний прагматизм мышления сэра Кевина:

...раз уж мы заговорили о человеческих ресурсах, на кухне работает *один человеческий ресурс* (Ее Величество, конечно же, имела в виду Нормана, занятого мытьем дворцовой посуды. — Д.З.), который я бы хотела повесить или, по крайней мере, взять наверх [1, с. 32].

С громадным интересом к чтению в главной героине проснулся искренний интерес к жизни ближнего, отсюда — особое внимание к «довольно начитанному» [1, с. 32] юноше, мигом забывшему о всех ложках, тарелках и вилках и с радостью взявшемуся за работу в библиотеке; юноше, что даже наедине с Ее Величеством «оставался самим собой и казался неспособным быть каким-то другим» [1, с. 33]. В результате их долгая и теплая дружба, воскрешающая в памяти реальную историю королевы Виктории и Абдула Карима, завязалась в тот судьбоносный для обеих персонажей момент, когда «самоучка» [1, с. 32] Норман навсегда подружил свою венценосную «работодательницу» [1, с. 33] со старыми приятелями — книгами. Правда, их первоначальный список оказался весьма специфичен, ведь молодой человек в основном отбирал туда произведения тех авторов, кто разделял «нравственную» [2, с. 133] позицию французского прозаика и драматурга Ж. Жене: М. Рено, Д. Уэлч, К. Ишервуд...

²³ Смысловую важность для «Непростого читателя» приобретает этимология слов «servant» и «personnel» как двух осколков древней культуры: так, посредством старофранцузского языка они перешли из латинского («servire» и «personalis») в английский в 1200-е гг. и, соответственно, в 1837-м. URL: https://www.etymonline.com/word/servant#etymonline_v_23278; https://www.etymonline.com/word/personnel#etymonline_v_12756 (дата обращения: 08.09.2023).

Однажды во время совместных чтений в ее кабинете²⁴ им на глаза попала одна незнакомая фраза — «*Неизбранная дорога*²⁵. <...> Норман заглянул в словарь <...> и выяснил, что это Роберт Фрост» [1, с. 35–36].

— Я знаю слово, которое вам подходит, — неожиданно сказала королева. <...> Вы бегаете по поручениям, меняете мои библиотечные книги, ищете трудные слова <...> и находите мне цитаты. Знаете, кто вы?

— Я *слуга*²⁶, мэм.

— Так вот, вы больше не слуга. Вы мой *амануэнсис*²⁷.

Норман посмотрел слово в *словаре, который королева теперь всегда держала на письменном столе*. «Тот, кто пишет под диктовку, переписывает рукописи. *Литературный помощник*» [1, с. 36].

Поняв суть *другого*, Ее Величество приступает к познанию себя, приводящему к осмысленному (!) и не продиктованному кем-то свыше само-определению: «Я — *опсимат*²⁸. Норман заглянул в *словарь*,

²⁴ В повести речь идет о том, что «королева всегда придавала значение условностям и, взявшись за чтение, решила <...> нужно читать в специально предназначенном для этого месте», однако дворцовая библиотека, где чаще «вручали ультиматумы, устанавливали границы, утверждали молитвенники и договаривались о заключении браков», чем видели людей с «бесценной» книгой в руках, никак не подходила для этой цели, поэтому Ее Величество и предпочла читать в кабинете [1, с. 33].

²⁵ Возникает ощущение, будто А. Беннетт умышленно допускает фактическую ошибку в названии стихотворения Р. Фроста 1915 г. — «*The road not travelled*» [7, р. 24] взамен хрестоматийного «*The Road Not Taken*». Но стоит заметить: в авторском тексте воспроизводится не заглавие произведения, а — незакавыченная цитата, близкая по своей функции к аллюзии. Если мы посмотрим в «Словарь цитат и крылатых выражений», схожий экземпляр которого мог принадлежать Норману, то обнаружим в нем следующий фрагмент «Неизбранной дороги»: «*Two roads diverged in a wood, and I — / I took the one less traveled by...*» (The Everyman Dictionary of Quotations and Proverbs / compl. by D.C. Browning. London: Chancellor Press, 1988. P. 102).

²⁶ В оригинале слово имеет более жесткую социальную окраску: «*skivvy*» [7, р. 24] — локальное для Великобритании выражение, означающее того, кто исполняет «самую грязную и неприятную работу по дому». URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/skivvy> (дата обращения: 08.09.2023).

²⁷ Слово «амануэнсис», появившееся в английском языке в 1610-е гг., восходит к латинской фразе «*servus a manu*» (т. е. «слуга-секретарь», буквальный перевод: «раб, использующий свою руку»). URL: https://www.etymonline.com/word/amanuensis#etymonline_v_10943 (дата обращения: 19.09.2023).

²⁸ Слово «опсимат» происходит из (древне)греческого языка и образовано по принципу основосложения: «ὄψε — opse» («поздно») и «μανθάνω — manthanein» («учиться»); впервые понятие «опсиматия» было зафиксировано в английских толковых словарях во второй половине XVII в. URL: https://www.etymonline.com/word/opsimathy#etymonline_v_7090 (дата обращения: 19.09.2023).

который всегда был у него под рукой, и прочел: “Опсимат: человек, который поздно начал учиться”» [1, с. 45].

Обретенное «второе имя» очень точно охарактеризовало внутреннее состояние героини, ощущавшей «горечь и сожаление из-за упущенных возможностей» [1, с. 34]. Во многом это связывалось с тем, как «старая дама» отбирала тексты для чтения: помимо того, что королева доверяла выбору Нормана, она следовала за цепочками личных ассоциаций — припоминала, разговаривала ли когда-нибудь с таким-то и таким-то писателем или нет.

Девочкой она <...> была знакома с Т.С. Элиотом, Пристли, Филиппом Ларкиным²⁹ и даже с Тедом Хьюзом <...> В то время она мало что читала из написанного ими и не могла придумать, о чем с ними говорить, а они, в свою очередь, общаясь с ней, не сказали ничего, что могло бы ее тогда заинтересовать. Какая жалость.

<...> сейчас она могла бы получить удовольствие от этой встречи. <...> Но <...> она поздно спохватилась. Слишком поздно. Все было слишком поздно. И тем не менее она продвигалась вперед, как всегда решительно, пытаясь наверстать упущенное [1, с. 34–35, 56].

Иноязычные вкрапления существуют на страницах «Непростого читателя» не только в виде заимствованных слов, оборачивающихся некоей синонимичной заменой имен собственных, что являются, по мысли П.А. Флоренского, «устойчивыми фактами культуры» [4, с. 85] (ср.: королева — <Елизавета> — опсимат; слуга — Норман — амануэнсис), но и в формате базовых речевых конструкций, которые в зависимости от оригинального или переводного издания имеют пояснительные сноски.

Так, в течение продолжительного официального банкета, организованного в Виндзорском замке по случаю государственного визита президента Франции, Ее Величество беседует с ним, естественно, о литературе: «...я бы очень хотела расспросить вас о писателе Жане Жене. <...> он и в самом деле так ужасен, <...> как его изображают?» [1, с. 27]. Растерявшийся президент ненароком проигнорировал вопрос, пока «пугливо оглядывался в поисках <...> министра культуры» [1, с. 27], однако она «ободряюще» [1, с. 27] повторила его, но — теперь уже по-французски:

²⁹ У В. Кулагиной-Ярцевой — Ларкином. — Д.З.

- <...> *Vous le connaissez?*
 — *Bien sûr*, — ответил президент.
 — *Il m'intéresse*, — сказала королева.
 — *Vraiment?*³⁰ [1, с. 27–28].

В итоге видимость перехода с одного языка на другой либо усиливается (как в версии В. Кулагиной-Ярцевой, оставляющей французские вставки и размещающей их перевод не в основном тексте повести, но в примечаниях к нему), либо сглаживается (как в версии А. Беннетта, сохранившего оригинальные речевые выражения и отказавшегося от каких-либо сносок), за счет чего мы воспринимаем использование иностранной речи в качестве формального приема по «возведению» или «разрушению» межкультурных границ на основе языкового материала.

К сожалению, президент Франции «разочаровал» королеву в познаниях о судьбе и творчестве Ж. Жене, но — оказался настоящим «кладезем информации о Прусте», которого она «прежде знала лишь по имени» [1, с. 50]. Позднее его многотомный *opus magnum* стал «идеальным чтением во время летнего отдыха Ее Величества в Балморале» [1, с. 51], а также удачным поводом оглядеться назад — в «далекое близкое» (определение И.Е. Репина) прошлое.

Литературный круг замкнулся: начав свою повесть с краткого разговора о скандальном французском писателе XX в., предложенном некогда верным амануэнсисом, А. Беннетт доводит ее до неожиданного и остроумного финала, проведя «непростого» читателя-опсимата, чьи чувства к книгам были сравнимы со «страстной любовью к Богу или к георгинам» [1, с. 45], по классическому пути прустовского Марсея, что долго бродил по свету «в поисках утраченного времени».

(3) *Respublica literaria*, или Рождение пишущего читателя

«Непростой читатель» при всей его укорененности в плодородную биографическую почву есть художественное произведение с универсальным содержанием — превращением главной героини из «начинающего» [1, с. 31] в «заядлого читателя» [1, с. 70]. При этом автор выбирает такого персонажа, который на первый — и весьма поверхностный — взгляд мало подходит для подобной «истории». Дело в том, что Ее Величество обладает строгими моральными прин-

³⁰ Вы знаете его? — Конечно. — Мне интересно. — В самом деле? (*франц.*)

ципами, четко соотносимыми с абсолютно уникальным статусом, отличающим английского монарха от его придворных и подданных:

Чтение было *хобби*, а ее положение исключало хобби. Бег трусцой, выращивание роз, шахматы, скалолазание, украшение тортов, авиамоделирование. Нет. Хобби — это когда *чему-то отдаешь предпочтение, а предпочтений следует избегать*³¹. У нее не было предпочтений. *Ей полагалось вызывать интерес, а не проявлять его*³². Кроме того, чтение — это *не действие*, а она была *человеком действия* [1, с. 28–29].

Вот почему, оказавшись в передвижной библиотеке мистера Хатчингса, королева забирает полузабытый том А. Комптон-Бернетт «просто из вежливости» [1, с. 30], ведь чтение (как пассивное участие в неактивном процессе) ее «не особенно интересовало» [1, с. 28].

Однако в силу должного воспитания, заложенного в основу ее «философии» [7, р. 11]: «Книги, хлеб с маслом, картофельное пюре — справляйся со всем, что тебе досталось» [1, с. 31], — она знакомится со взятым наугад романом, явно не оставаясь к нему равнодушной. Об этом свидетельствует яркая деталь, которая померкла в переводе В. Кулагиной-Ярцевой: если вначале Ее Величество «<неубедительно³³. — Д.З.> прижала к себе (буквально — «обняла». — Д.З.) книгу» [1, с. 29], то по возвращении А. Комптон-Бернетт в библиотеку «она *прижала* книгу к груди» [1, с. 31]. Оттенки в изображении физического контакта — «hug» и, соответственно, «clutch» — помогают увидеть, в какой конкретно момент королева (пусть еще не совсем сознательно) приступает к пересмотру привычной системы ценностных координат.

Позднее, при попытке отрефлексировать ничем не преодолимую тягу к чтению, она понимает, что удовольствие, стоявшее «всегда

³¹ Тезисный, а временами и лозунговый характер размышлений королевы сохраняется и при дальнейшем повествовании. Ср.: «...краткое изложение не есть чтение. <...> Краткое изложение — это *всего лишь информация* (в оригинале к слову «briefing» относится ряд однородных определений: «*краткий, фактологический, изложенный по существу*». — Д.З.). Чтение же неупорядоченно, сбивчиво и бесконечно увлекательно. Краткое изложение закрывает тему, а чтение, напротив, раскрывает ее» [1, с. 35; 7, р. 22].

³² Здесь наблюдается смысловой сбой, поскольку выражение: «Her job was to *take an interest, not to be interested herself*» [7, р. 6] — означает, что Ее Величество проявляла интерес к чему-либо, но никак не заинтересовывалась в этом.

³³ Пропущенное слово восстановлено по оригинальному тексту «Непростого читателя».

<...> на втором месте после долга» [1, с. 38], постепенно сравнялось с ним и даже заместило «трепет и некоторое смущение» [1, с. 45] перед лицом необъятных просторов литературы, где «одна книга ведет к другой, и дорога эта бесконечна» [1, с. 34]. Список для чтения, который королева отныне «держала на письменном столе» [1, с. 34], самым существованием доказывает нам, насколько стремительно меняется картина мира того, кто считал ее совершенно непоколебимой:

...как и в отношениях со своими подданными, она *чувствовала*, что не должна допускать *предвзятости*. <...> Все книги были неведомым материалом, и <...> она не делала между ними *различия* [1, с. 45].

Но однажды, все-таки поддавшись подавляемой эмоции, Ее Величество провела четкую границу между тем, что ей действительно нравится, а что — нет.

Так, по окончании неудачного неформального приема, куда приглашались многие современные литераторы, олицетворявшие, с точки зрения королевы, «Живое Слово» [1, с. 47], она утвердилась во мнении о двух вещах: во-первых, «с писателями»³⁴ лучше всего встречаться на страницах их романов», более того, «они в той же мере *плод воображения* читателя, что и их герои» [1, с. 47]; во-вторых, нет ничего увлекательней старой-доброй классики, тихое и неторопливое приобщение к которой казалось Ее Величеству гораздо продуктивнее.

На следующем этапе она стала делать *записи* и с тех пор *всегда читала с карандашом в руке*, не подводя итоги прочитанному, а просто переписывая поразившие ее фрагменты. Только по прошествии года *она стала время от времени записывать собственные мысли*³⁵ [1, с. 45].

³⁴ Мы вновь обнаруживаем фактическую ошибку В. Кулагиной-Ярцевой, на этот раз — в переводе вставной конструкции, где речь идет о субъективном восприятии толпы гостей-писателей: «...мужчины, решила она, *гораздо лучше женщин*» [1, с. 47] вместо «...the men, she decided, *much worse* (гораздо хуже. — Д.3.) than the women» [7, p. 52].

³⁵ Как выясняется, конец фразы мог бы выглядеть несколько иначе, например: «...она *отважилась* <записать>, хоть и неуверенно, *свою случайно возникшую мысль*» (ср.: «...she tentatively ventured on the occasional thought of her own» [7, p. 47–48]).

Стремление углубиться в понимание уже не личных мотивов, но ежедневно прочитываемых текстов выразилось как в бесчисленных заметках на полях произведений О. де Бальзака и Г. Филдинга, И.С. Тургенева и Дж. Конрада, так и в потребности королевы постоянно делиться с окружающими свежими впечатлениями от все новой и новой книги.

Желая быть «хорошим примером» [1, с. 37] для подражания, Ее Величество, уставшая от скучных и скудных тронных речей на ежегодных Церемониях открытия Парламента, испробовала всевозможные способы живого обращения к своему верному слушателю: сегодня она читает избранные места из Книги Левит с кафедры в Шотландии, завтра — детскую сказку про слоненка Бабара в начальной школе Норфолка, после — стихотворения Дж. Бетджемена на банкете в Сити и Ф. Ларкина во время посадки деревьев у реки Медуэй, а в рождественском послании к нации — первый абзац «Повести о двух городах» Ч. Диккенса (ср.: королева планировала взять «Схождение двоих» Т. Харди, но сюжет о столкновении крейсера «Титаник» с ледяным айсбергом не был одобрен кабинетом министров, сильно обеспокоившихся странным хобби монарха: «Публике не следует <...> думать, что с миром нельзя справиться. В противном случае неизбежен хаос. Или провал на выборах, что одно и то же» [1, с. 49]).

Постепенно конфликт интересов, т. е. чтения и долга, стал заметен абсолютно каждому приближенному Ее Величества, которая благодаря «отчаянно твякающим» [1, с. 28] собакам, «скромному» [1, с. 54] Норману и «кавалерственной даме» А. Комптон-Бернетт вступила на тернистый путь «далеко идущих» [1, с. 32] компромиссов. Покинуть затянувшуюся встречу, сказать больно, опоздать на церемониальное мероприятие или самой затянуть время, нарушив установленный протоколом регламент, — все это когда-то казалось непозволительной и невообразимой дерзостью, но теперь:

Королева <...> *охладела* к своим обязанностям: с меньшим пылом закладывала первые камни, спуск кораблей на воду лишился всякой торжественности, словно пускали игрушечную лодку на пруду, — дома ее *всегда дожидалась книга* [1, с. 44].

Как тонко подмечает А. Беннетт, «...годы не сделали ее более снисходительной. А вот чтение сделало» [1, с. 44]. Однако к разрастающимся записным книжкам и зародившимся в Ее Величестве чуткости и терпимости придворные отнеслись настороженно: в них

они увидели «первые признаки угасания» [1, с. 58], иначе — прогрессирующего синдрома Альцгеймера.

Сплетни о болезненном состоянии королевы пресекались ею незамедлительно: так, «конюх» Джералд, терзаемый вопросом «Что нужно записывать Ее Величеству?» [1, с. 58], попытался заглянуть в лежащий на полу блокнот, за что и был выслан к дождливым «болотам»³⁶ Нортумберленда» [1, с. 65]. Суровое наказание, «напомнившее о тюдоровских временах» [1, с. 65], положило конец нелепым слухам о старческой деменции королевы.

Принимать решительные меры вынуждали недовольные ее увлечением придворные и вместе с ними — премьер-министр, что через личного советника неоднократно пытался повлиять на секретаря Ее Величества, сэра Кевина. Образно говоря, «преследователи» [1, с. 63] раз за разом выигрывали сражения, но — не саму войну: очевидно, им удалось отменить визиты передвижной библиотеки во дворец, отправить тяжелый чемодан с книгами, отобранными для заграничной поездки королевы в Канаду, по иному адресу и, что важно, избавиться от Нормана, пристроив юного амануэнсиса в относительно далекий Университет Восточной Англии. Узнав об этих происках, Ее Величество, выражаясь языком массовой культуры, нанесла ответный удар: она вручила мистеру Хатчингсу награду за «особую, личную услугу» [1, с. 36], оказанную Ее Величеству; познакомилась с канадской писательницей Э. Манро, которая «охотно снабдила» [1, с. 53] королеву авторскими экземплярами в мягких обложках, что легко «умещаются в сумочку» [1, с. 53]; наконец, расправилась с обидчиками Нормана:

...Ее Величество не выносила, когда ее обманывают, и, хотя истинным виновником был специальный советник премьер-министра, *козлом отпущения* стал сэр Кевин. В *свое время* такой проступок привел бы его на плаху; сейчас же он получил билет в Новую Зеландию и назначение специальным уполномоченным. Это тоже была *казнь*, но замедленная [1, с. 68].

Вполне закономерно, что героиня повести А. Беннетта, прежде именовавшая себя опсиматом, смогла дорасти до «творческой читательской зрелости», напитавшись «в должной мере корнями художественной культуры»³⁷. Принцип «чтение есть хобби» сменился

³⁶ Точнее — «вересковым пустошам», характерным для северо-востока Англии.

³⁷ Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 45.

представлением о чтении как о настоящем труде, который подобен писательскому искусству. Однако трансформация образа жизни и мировоззрения королевы на этом не заканчивается: «Потеряв возможность поговорить с Норманом, она вдруг осознала, что ведет долгие дискуссии сама с собой и все чаще излагает <...> мысли на бумаге» [1, с. 55].

В поисках индивидуального стиля Ее Величество озвучивает ошибочную по своей сути догадку: «У меня нет *голоса*» [1, с. 65]. Он есть у В.А. Моцарта, Л. ван Бетховена, даже А. Комптон-Бернетт, но — «отсутствует» у нее (по такому поводу автор в свойственной ему манере замечает: «Ну, милая, если его нет у тебя, то уж и не знаю, у кого он есть» [1, с. 66]). Вот почему затруднительное положение королевы ассоциируется в ее глазах с незавидной участью младшей дочери короля Лиры: «Хотя я не всегда понимаю Шекспира, слова Корделии “К несчастью, не умею высказаться вслух” я вполне разделяю» [1, с. 58].

Здесь-то и сходятся два самых сильных желания Ее Величества — оставить неизгладимый след в памяти людей посредством активного действия, иначе «она, которая всегда жила совершенно отдельной жизнью, будет приравнена ко всем другим. Чтение изменить этого не могло, но *сочинительство* — может» [1, с. 66]. Случайная встреча с повзрослевшим Норманом, что стал одним из лучших выпускников кафедры литературного мастерства, беседы с библиотекарем Виндзорского замка и девяностолетним сэром Клодом, работавшим над мемуарами «Божественное Бремя», старой дворцовой «притчей во языцех»³⁸ [1, с. 64], утвердили ее в стремлении начать творить собственную историю, ведь «читатель недалеко ушел от зрителя, а когда она пишет, то действует, а действовать — ее долг» [1, с. 67].

В результате происходит *рождение пишущего читателя*, вознамерившегося пойти по стопам М. Пруста, т. е. с помощью «анализа и размышлений» «восстановить» прожитую жизнь, «по ходу развития сюжета раскрывая тайны памяти и воспоминаний» [1, с. 71]. Однако Ее Величество «не интересуют просто воспоминания»: она надеется, что «это будет что-то более *продуманное*» и не «*придуманное*» [1, с. 72]. К тому же — королева не хотела писать в стол, она планировала издать будущий *opus magnum*, который, по

³⁸ Ср.: «...сэр Клод не имел представления о том, что должна писать королева и должна ли она писать вообще, он предложил ей *писать* только для того, чтобы *отвлечь* от чтения, да еще потому, что по собственному опыту знал — из этого редко что выходит» [1, с. 64].

мнению премьер-министра и его кабинета, немыслим и абсолютно неосуществим.

— Монархи, насколько я знаю, *никогда не публиковали* книг.

<...> мой дядя, герцог Виндзорский <...> написал книгу «История короля» <...> эта книга может считаться прецедентом?

Вооруженный советом генерального прокурора именно по этому вопросу, премьер-министр улыбнулся и извиняющимся тоном возразил:

— Да, мэм, <...> но вся разница в том, что Его Королевское Высочество написал книгу как герцог Виндзорский. Он смог написать ее только потому, что *отрекся от престола*.

— О, разве я не сказала? Но... а как вы думаете, почему вы все здесь собрались? [1, с. 73–74]

Эпизод празднования 80-летия Ее Величества, что является логическим завершением повести, содержит поистине невероятный — по исполнению в реальности — пуант, позволяющий утверждать, что «Непростой читатель» А. Беннетта принадлежит к жанру новеллы. Судя по описанию, ее финал разворачивается в декорациях Букингемского дворца, где был организован торжественный банкет для членов Тайного совета, которые в течение стольких лет давали королеве те или иные наставления.

Услышав о решении Ее Величества войти в литературный круг на правах автора настоящего «серьезного исследования» [1, с. 72], премьер-министр попытался направить тему разговора в иное русло:

— Я бы сказал, <...> что Ваше Величество *выше литературы*.

— Выше литературы? — переспросила королева. — <...> С таким же успехом можно сказать «*выше человечества*» [1, с. 72].

Следовательно, мы возвращаемся к тому, с чего начинали эту заметку, — к вопросу о характере «непростого» читателя и его эволюции. Буквально на протяжении всего повествования в качестве ключевого структурного элемента текста выступали схожие противопоставления, будь то «неопытный — опытный» читатель или читатель «простой (*common*) — непростой (*uncommon*)»³⁹. Последняя оппозиция заключена непосредственно в заглавии произведения,

39 Ср: «...Alzheimer's is *common*, the Queen is *not common*, therefore the Queen has not got Alzheimer's» [7, p. 83]; то же: «...Альцгеймер может быть у *каждого*, но королева — не *каждый*, следовательно, у королевы нет Альцгеймера» [1, с. 59].

что в английском варианте имеет *отличную* от языка перевода семантическую и стилистическую окраску, иллюстрирующую особое отношение к образу Ее Величества.

Оксфордский словарь предлагает ряд толкований для слов «(un)common», из которых нам необходимы следующие: а) «обыкновенный», «ничем не выдающийся», «распространенный» и, наоборот, «редкий», «уникальный», «исключительный»; б) «common» как типично британское (!) понятие, обозначающее что-либо, «свойственное для низкого социального класса», и далее: «uncommon» — по аналогии с предыдущей трактовкой⁴⁰.

Обособленность положения королевы дублируется на уровне грамматики. Так, в подавляющем большинстве фраз венценосная героиня «Непростого читателя» применительно к себе использует личные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа — в лингвистике его принято называть «королевским “мы”» или «множественным величия» («Pluralis majestatis»):

...it is true *one* is eighty and this is a sort of birthday party. <...>
I suppose one of the few things to be said for it is that *one* has at least achieved an age at which *one* can die without people being shocked'⁴¹ [7, p. 110].

Однако парадокс повести А. Беннетта — как, собственно, и литературы в целом — обнаруживается в том, что художественная словесность становится общим способом примирения интеллектуальных, социальных, моральных, нравственных и проч. противоречий, едва ли не бесследно поглотивших этот «прекрасный и яростный мир» (А.П. Платонов):

Притягательность книг, думала она, кроется в их *безразличии*: все-таки в литературе есть что-то высокомерное. *Книгам неважно, кто их читает и читают ли их вообще. Все читатели равны*, и она не исключение. Литература, думала она, это содружество, *respublica literaria*. <...> Книги не делают различий. <...> Оно (чтение. — Д.З.)

⁴⁰ См.: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/common_1?q=common; <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/uncommon?q=uncommon> (дата обращения: 08.09.2023).

⁴¹ Ср.: «...нам исполнилось восемьдесят, и это прием по случаю дня рождения. <...> *Думаю* по этому поводу можно сказать только, что *мы* в конце концов достигли возраста, когда можно умереть, не сильно поразив окружающих» [1, с. 69].

анонимно, его можно разделить с другими, *оно общее для всех* [1, с. 38].

Литературная «республика» расцветает на страницах «Непростого читателя» десятками имен английских и американских прозаиков, поэтов и драматургов, среди которых лишь двое французов (Ж. Жене и М. Пруст) и двое русских (И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский). Для целостного восприятия такого обилия исторических персонажей, создающих неповторимый мыслительный контекст мировой письменной культуры, В. Кулагина-Ярцева составляет неоднородный по своему содержанию указатель.

Сорок семь биографических справок (без учета атрибутированных героев И. Во, Л. Стерна, О. Уайлда, а именно — капитана Кроучбека, Тристрама Шенди и леди Брэкнелл), распадаются на четыре категории: а) комментарии, полностью выполняющие возложенную на них функцию, т. е. они высвечивают основной текст так, чтобы он максимально раскрыл смысл, заложенный в него автором (см.: «Комптон-Бернетт, Айви» [2, с. 134] или «Рот, Филип» [2, с. 158–159]); б) комментарии, которые напоминают «склад самых разнообразных сведений, отдаленно нужных в данной связи»⁴² (см.: «Поуэлл, Энтони» [2, с. 162–163] или «Томас, Дилан» [2, с. 147–148]); в) «пустые» комментарии, что ограничиваются годами жизни и общими фактами, например: «Элиот, Томас Стернз (Eliot, Thomas Stearns) (1888–1965) — выдающийся англоязычный поэт XX века, Нобелевский лауреат (1948)» [2, с. 141]; г) отсутствующие комментарии к тем авторам, которые упоминаются в «Непростом читателе», но не попадают под внимание В. Кулагиной-Ярцевой (казалось бы, если ее цель — рассказать о малоизвестных героях, например, Я. Моррис или Д. Фрэнсисе, то почему в этом списке значатся имена знаковых деятелей зарубежной литературы: Г. Джеймса, В. Вулф, М. Пруста, Дж. Остен?)

Напоследок скажем, что специально адресованный нашему читателю указатель, как и художественный перевод повести-новеллы А. Беннетта на русский язык, не смогли, по выражению А.В. Михайлова, «<рас>ставить вещи на свои первоначальные места», но — все же постарались приблизиться к тому, чтобы от перемены мест слагаемых сумма осталась неизменной.

⁴² Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение, 1970. С. 293.

Литература

1. Беннетт А. Непростой читатель / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой // Иностранная литература. 2009. № 12. С. 27–74.
2. Беннетт А. Непростой читатель / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2010. 168 с.
3. Михайлов А.В. Надо учиться обратному переводу // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: ЯСК, 2000. С. 14–16.
4. Флоренский П.А. Имена. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 320 с.
5. Шелестюк Е.В., Гриценко Э.Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 202–207.
6. Bennett A. The Uncommon Reader: A Story // London Review of Books. 2007. Vol. 29, no. 5. P. 11–23.
7. Bennett A. The Uncommon Reader. London: Faber & Faber, 2008. 121 p.

Research Article

In Search of Lost Realities: Alan Bennett’s “The Uncommon Reader” Through Russian Reader’s Eyes

© 2023, Daniil V. Zabotin

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-18-00375 “Russian Literature: The Problem of Multilingualism and Reverse Translation”, <https://rscf.ru/project/23-18-00375/>).

Abstract: The article is dedicated to the critical reflection of the original and translated version of Alan Bennett’s “The Uncommon Reader,” whose main character is unnamed, but easily recognizable Queen Elizabeth II. Consequently, the entire different cultural context of this pseudo-biographical narrative creates certain difficulties for the translator, because she has to understand and reproduce with maximum accuracy what English speakers read without any hindrance. So, the main approach of the translation of “The Uncommon Reader” into Russian is considered to be a domesticating strategy, which means the need to adapt the story by simplifying or replacing (renaming) historical and everyday realities, when they are transplanted from one worldview to another: for example, “Alsatian — German Shepherd” or “Dame Commander — Court Lady.” It should be emphasized that the nomination problem plays an important role in Bennett’s work: while his characters dive into the depths of fiction, they seem to start to get know to themselves anew with the help

of found “second names” that are foreign words of Greek (“opsimath”) and Latin (“amanuensis”) origin. The study of the author’s reading philosophy leads us to the conclusion about the uniqueness of the original title of the story, reflecting the idea of the ambivalent nature of the image of Her Royal Majesty. After a long journey from a novice reader to a writing reader, she still decided to enter the circle of the independent Republic of Letters, which blossoms with tens of names of novelists, poets, and dramatists of the present and the past on the pages of “The Uncommon Reader.” Such a literary union demanded from the translator to create a separate and well-thought commentary, which can be interpreted as a secondary attempt at “reverse translation” (A. V. Mikhailov).

Keywords: Alan Bennett, “The Uncommon Reader,” Queen Elizabeth II, domestication and foreignization, the naming problem, foreign language inclusions, reading philosophy.

Information about the author: Daniil V. Zabolin — PhD Student, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7319-8664>

E-mail: do.oscar@yandex.ru

For citation: Zabolin, D.V. “In Search of Lost Realities: Alan Bennett’s ‘The Uncommon Reader’ Through Russian Reader’s Eyes.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (30), 2023, pp. 279–302. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-279-302>

References

1. Bennett, A. “Neprostoi chitatel’” [“The Uncommon Reader”], trans. by V. Kulagina-Iartseva. *Inostrannaia literatura*, no. 12, 2009, pp. 27–74. (In Russ.)
2. Bennett, A. *Neprostoi chitatel’* [*The Uncommon Reader*], trans. by V. Kulagina-Iartseva. Moscow, Izdatel’stvo Ol’gi Morozovoi Publ., 2010. 168 p. (In Russ.)
3. Mikhailov, A.V. “Nado učit’sia obratnomu perevodu” [“We Have to Learn Reverse Translation”]. Mikhailov, A.V. *Obratnyi perevod* [*Reverse Translation*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2000, pp. 14–16. (In Russ.)
4. Florenskii, P.A. *Imena* [*The Names*]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)
5. Shelestiuk, E.V., and E.D. Gritsenko. “O forenizatsii i domestikatsii v perevode i vozmozhnostiakh ikh lingvisticheskoi otsenki” [“Foreignization/Domestication in Translation and Their Linguistic Evaluation”]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (386), 2016, pp. 202–207. (In Russ.)
6. Bennett, Alan. “The Uncommon Reader: A Story.” *London Review of Books*, vol. 29, no. 5, 2007, pp. 11–23. (In English)
7. Bennett, Alan. *The Uncommon Reader*. London, Faber & Faber, 2008. 121 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 30.10.2023

Одобрена после рецензирования: 10.11.2023

Дата публикации: 25.12.2023

The article was submitted: 30.10.2023

Approved after reviewing: 10.11.2023

Date of publication: 25.12.2023